

Опыт фиксации квалифицирующих признаков состава преступления в странах СНГ

Владимир Владиславович Багаев

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, V.v.bagaev@outlook.com

<https://orcid.org/0009-0003-8728-4308>

Аннотация

Цель

Проведение сопоставительного (компаративистского) анализа квалифицирующих признаков составов преступлений в обладающих общностью исторического и культурно-цивилизационного пути государствах.

Материалы и методы

В условиях деглобализации и регионализации международного права сделан акцент на Модельный УК для государств – участников СНГ, а также Уголовные кодексы таких дружественных для России республик, как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан.

Результаты

Рассмотрены структурные и содержательные особенности фиксации квалифицирующих признаков составов преступлений в названных правовых актах. Выявлены специфические в сравнении с УК РФ примеры описания данных признаков. Оригинальная структуризация соответствующего законодательного материала осуществлена в УК Республики Беларусь: квалифицирующие признаки в ряде случаев перечислены альтернативным способом (без выделения пунктов). В свою очередь, в УК Республики Узбекистан выявлено «дробление» единого по сути признака на отдельные пункты. В содержательном отношении эксклюзивными законодательными решениями являются признание повышенной общественной опасности кражи с незаконным проникновением в транспортное средство, а также нарушения неприкосновенности частной жизни с использованием дистанционно управляемого беспилотного летательного аппарата. Заслуживает внимания и опыт дифференциации уголовной ответственности в зависимости от формы соучастия в преступлении, вида рецидива и вида умысла.

Выводы

Взяв за основу «классический» набор квалифицирующих признаков составов преступлений в Модельном УК для государств – участников СНГ, законодатели разных стран автономно оптимизировали их описание.

Выявлено сходство общих подходов законодателей к установлению квалифицирующих признаков; оценка же степени их общественной опасности, а также перечень в отдельных составах преступлений варьируются.

Дифференциацию уголовной ответственности на уровне квалифицирующих признаков состава преступления в УК РФ надлежит осуществлять с учетом не только позитивного зарубежного опыта, но и достижений отечественной уголовно-правовой доктрины.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, виды умысла, квалифицирующие признаки состава преступления, Модельный УК для государств – участников СНГ, опасный и особо опасный рецидив преступлений, проникновение в транспортное средство, уголовное законодательство стран СНГ

Для цитирования: Багаев В. В. Опыт фиксации квалифицирующих признаков состава преступления в странах СНГ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 130–137. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-130-137>. EDN FHILWL

Problems of Criminal Law and Criminology, Procedural Law

Original article

Experience of recording qualifying features of a crime in the Commonwealth of Independent States countries

Vladimir V. Bagaev

Kuban State University, Krasnodar, Russia, V.v.bagaev@outlook.com,
<https://orcid.org/0009-0003-8728-4308>

Abstract

Purpose. Conducting a comparative analysis of the qualifying features of crimes in states with a common historical, cultural and civilizational path.

Materials and methods. In the context of deglobalization and regionalization of international law, emphasis is placed on the Model Criminal Code for the CIS member states, as well as the Criminal Codes of such republics friendly to Russia as Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan.

Results. The structural and substantive features of recording the qualifying features of crimes in the above-mentioned legal acts are considered. Specific examples of description of these features are identified in comparison with the Criminal Code of the Russian Federation. The original structuring of the relevant legislative material is implemented in the Criminal Code of the Republic of Belarus: qualifying features in a number of cases are listed in an alternative way (without highlighting points). In turn, in the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, a "splitting" of a single feature into separate points is revealed. In terms of content, exclusive legislative decisions are the recognition of the increased public danger of theft with illegal entry into a vehicle, as well as violation of privacy using a remotely controlled unmanned aerial vehicle. The experience of differentiating criminal liability depending on the forms of complicity in a crime, type of recidivism and the type of intent deserves attention.

Conclusions. Based on the "classic" set of qualifying elements of crimes in the Model Criminal Code for the CIS member states, legislators from different countries have independently optimized their description.

The similarity of the general approaches of legislators to the establishment of qualifying signs has been revealed; the assessment of the degree of their public danger, as well as the list of crimes in individual components, vary.

The differentiation of criminal liability at the level of qualifying elements of a crime in the Criminal Code of the Russian Federation should be carried out taking into account not only positive foreign experience, but also the achievements of domestic criminal law doctrine.

Keywords: qualifying features of the crime, Model Criminal Code for the CIS member states, criminal legislation of the CIS countries, entry into the courtyard of a residential building, unmanned aerial vehicle, dangerous and especially dangerous recidivism of crimes, types of intent

For citation: Bagaev V. V. Experience of recording qualifying features of a crime in the Commonwealth of Independent States countries. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):130–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2025-1-1-130-137>. EDN FHILWL

Введение

Квалифицирующие признаки состава преступления как средство дифференциации уголовной ответственности находятся в поле пристального внимания ученых-правоведов. Современные исследователи раскрывают целый ряд проблемных аспектов их законодательного описания, в том числе указывают на дисбаланс их качественно-количественных параметров в различных главах Особенной части УК РФ, а также асинхронность распределения применительно к преступлениям, обладающим близкими социально-правовыми и криминологическими свойствами [1, с. 130–131].

При этом содержание данных признаков, отражая типовую общественную опасность преступления, формирует представление не только об основах построения Особенной части уголовного закона, но и об эволюции процессов, происходящих в обществе, требующих более жесткой реакции со стороны государства. Стало быть, система квалифицирующих признаков составов преступлений и отдельные ее элементы, закрепленные в обладающих общностью исторического и культурно-цивилизационного пути государствах, представляют особый интерес в условиях деглобализации и регионализации [2] международного права. В настоящее время приоритетными для проведения компаративистских исследований становятся Уголовные кодексы дружественных для России стран, существенное количество которых входит в СНГ.

Методы и материалы

В настоящем исследовании проанализированы Модельный УК для государств – участников СНГ, а также Уголовные кодексы таких дружественных для России республик как Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан. Сделан акцент на структурных и содержательных особенностях фиксации квалифицирующих признаков составов преступлений в названных правовых актах в сравнении с УК РФ.

Обсуждение и результаты

Отправной точкой для формулирования квалифицирующих признаков составов преступлений в законодательстве стран СНГ можно считать Модельный УК 1996 г.¹ Примечательно, что не во всех его статьях отражены квалифицирующие признаки: они отсутствуют, к примеру, в статьях о причинении легкого вреда здоровью (ст. 124), развратных действиях (ст. 149), незаконном распространении порнографических материалов или предметов (ст. 237). Однако в том или ином объеме квалифицирующие признаки составов преступлений представлены в каждой главе кодекса. Специфика статей Особенной части Модельного УК выражается также в отсутствии конкретных санкций: степень общественной опасности преступления определяется указанием на его категорию.

Максимальные по степени – III – квалифицирующие признаки [3, с. 155] имеют место в составе вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (а именно в организованную группу или преступное сообщество либо в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления) (ч. 4 ст. 167).

¹ Модельный Уголовный кодекс государств – участников Содружества Независимых Государств: принят Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г. // Правоведение. 1996. № 1. С. 91–150.

Заслуживающим внимания видится решение разработчиков Модельного УК о дифференциации уголовной ответственности в зависимости от формы соучастия в преступлении. Так, совершенно оправданно по степени общественной опасности убийство, совершенное организованной группой (ч. 3 ст. 111), превалирует над тем же деянием в рамках группы лиц или группы лиц по предварительному сговору (п. «з» ч. 2 ст. 111). Данный алгоритм последовательно реализован и в целом ряде иных статей Модельного УК.

В целом же в Модельном УК набор квалифицирующих признаков стандартен. К специфическим по содержанию и звучанию в сравнении с УК РФ можно отнести следующие закрепленные в Модельном УК квалифицированные составы преступлений: убийство, совершенное лицом, ранее совершившим убийство (п. «о» ч. 2 ст. 111); изнасилование, совершенное с использованием условий общественного бедствия или в ходе массовых беспорядков (п. «в» ч. 3 ст. 145); получение взятки «по предварительному сговору группой публичных служащих» (п. «б» ч. 2 ст. 305); дача взятки «публичному служащему, занимающему ответственную государственную должность» (п. «а» ч. 3 ст. 306); заведомо ложный донос о совершении преступления «в интересах организованной группы» (п. «г» ч. 2 ст. 325).

В отдельных случаях признаки, являющиеся в УК РФ криминообразующими, то есть входящие в основной состав, в Модельном УК представлены как повышающие степень общественной опасности содеянного. Примером может служить уклонение от несения военной и альтернативной службы путем подлога документов или иного обмана (п. «б» ч. 2 ст. 322 Модельного УК). В свою очередь, в УК РФ схожий признак прямо указан в ч. 1 ст. 339.

Структуризация законодательного материала в различных странах хотя и в целом универсальна, может варьироваться в зависимости от воспринятой традиции юридической техники. Определенным своеобразием обладает как оформление статей, так и отдельных их компонентов.

В рамках настоящего исследования особенно выделяется УК Республики Беларусь¹. Если в Модельном УК и УК РФ квалифицирующие признаки составов преступлений зафиксированы на уровне пунктов соответствующей части статьи, то в уголовном законодательстве Беларуси алгоритм закрепления данного перечня зависит от количества входящих в него единиц. Пункты, имеющие, кстати, числовое, а не буквенное значение, наличествуют весьма редко и только в случаях значительного объема квалифицирующих признаков. Так, убийства в рамках ч. 2 ст. 139 представлены 16 пунктами; составы умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, изложенные в ч. 2 ст. 147 – 11; квалифицированные составы торговли людьми (ч. 2 ст. 181) – 8, использования рабского труда (ч. 2 ст. 181¹) – 6. В большинстве же случаев квалифицирующие признаки описаны в диспозиции альтернативно, что зрительно делает нормативный материал более компактным.

К структурным особенностям оформления законодательного материала можно отнести «дробление» единого по сути признака на отдельные пункты в УК Республики Узбекистан². Речь идет об «экстремистском» мотиве в убийстве (с. 97), умышленном тяжком (ст. 104) и средней тяжести (ст. 105) телесных повреждениях. Совершение данных деяний «из религиозных предрассудков» и «по мотивам межнациональной или расовой вражды» квалифицируется по разным пунктам, но в рамках одной части соответствующей статьи.

Анализ уголовных кодексов стран СНГ позволил в целом отметить сходство подходов законодателей к установлению квалифицирующих признаков. Оценка же степени

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>.

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.10.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110.

их общественной опасности может варьироваться. К. В. Дядюн, в частности, заметил, что, хотя «в УК всех рассматриваемых государств в качестве отягчающего наказание обстоятельства регламентируется совершение неосторожного причинения смерти в отношении двух и более лиц, только в РФ данный аспект закреплён в рамках особо квалифицированного состава» [4, с. 85].

Далее выделим примеры оригинальных по содержанию правотворческих решений. В частности, обман или злоупотребление доверием, не характерные для состава торговли людьми в УК РФ [5], нашли отражение в п. 8 ч. 2 ст. 128 УК Республики Казахстан¹. Кроме того, уголовное законодательство Республики Узбекистан ужесточает ответственность за изнасилование лица, заведомо для виновного имеющего признак инвалидности (п. «д» ч. 2 ст. 118), близкого родственника, бывшей супруги (бывшего супруга), лица, совместно проживающего на основе единого хозяйства, либо лица, имеющего общего ребенка, а также если оно совершено участником массовых беспорядков (п. «б», «г» ч. 3 ст. 118).

В УК Азербайджанской Республики² в качестве квалифицирующего признака торговли людьми признается совершение преступления с причинением страданий потерпевшему либо с жестоким, бесчеловечным либо унижающим его достоинство обращением (ст. 144-1.2.8). Кроме того, повышенной общественной опасностью обладает кража в отношении (из) не только нефтепроводов, линий природного газа, но и линий связи, электрической, тепловой энергии, воды, канализации, железнодорожных линий государственного или общественного значения (ст. 177.2.3-2).

В качестве примера эксклюзивного правотворчества в Кыргызской Республике³ можно привести закрепление квалифицирующего признака «с вовлечением детей» в составе незаконной организации игорной деятельности (п. 4 ч. 2 ст. 219-1). Специальный субъект – лицо, которому огнестрельное оружие, боеприпасы или взрывчатые вещества были вверены в связи с его служебным положением или под охрану – характерен для квалифицированного состава хищения или вымогательства огнестрельного оружия (п. 1 ч. 2 ст. 271).

В уголовном законодательстве отдельных стран СНГ зафиксированы и иные распространённые на практике, но оставшиеся без внимания российского законодателя обстоятельства, свидетельствующие о повышенной общественной опасности преступного акта. В рамках дифференциации уголовной ответственности весьма удачными видятся решения казахстанского законодателя о, во-первых, признании повышенной общественной опасности кражи с незаконным проникновением в транспортное средство (п. 3 ч. 3 ст. 188), а во-вторых, об установлении квалифицирующего признака скотокрадства – «с проникновением во двор жилого помещения, предприятия, организации, учреждения, скотного двора, загона или иного хранилища» (п. 2 ч. 3 ст. 188¹).

Вопрос целесообразности включения в уголовное законодательство самостоятельной статьи об ответственности за скотокрадство не входит в предмет настоящего исследования. Однако заметим, что примечание к ст. 139 УК РФ не позволяет двор отнести к жилищу, а значит, кража чего-либо, в том числе скота, с незаконным проникновением во двор не влечёт в РФ более строгое наказание.

Весьма прогрессивным можно назвать УК Азербайджанской Республики, в котором предусмотрено более суровое наказание за нарушение неприкосновенности частной жизни

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.

² Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.02.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353.

³ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.08.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065.

«с использованием дистанционно управляемого беспилотного летательного аппарата» (ч. 2.2 ст. 156). В России дополнение отдельных составов преступлений квалифицирующими признаками сходной направленности (связанных с применением «беспилотников», с использованием технологии искусственного интеллекта) пока находится только на стадии обсуждения [6; 7].

В статьях Особенной части отдельных стран СНГ зафиксирован такой квалифицирующий признак как совершение посягательств преступной организацией (преступным сообществом). Степень общественной опасности содеянного, однако, оценивается на одном уровне с его совершением организованной группой. В качестве примера можно привести фиксацию данного признака в составе легализации имущества, полученного преступным путем в УК Азербайджанской Республики (ст. 193-1.3.1), а также в составе истязания – в УК Кыргызской Республики.

С точки зрения дифференциации ответственности отличается уголовное законодательство Республик Таджикистан¹ и Узбекистан, в котором последовательно признается повышенная общественная опасность рецидива преступлений. Более того, его вид предопределяет квалификацию преступления и наказание за его совершение. В частности, в УК Республики Таджикистан опасный рецидив образует квалифицирующий признак грабежа II степени (п. «г» ч. 3 ст. 248), а особо опасный рецидив – III степени (п. «а» ч. 4 ст. 248).

В позитивном ключе можно оценить осуществленную в УК Республики Беларусь градацию степени общественной опасности деяния не только в зависимости от формы вины, но и от их видов. Так, заражение другого лица по легкомыслию или с косвенным умыслом ВИЧ-инфекцией лицом, знавшим о наличии у него этого заболевания (ч. 2 ст. 157), максимально наказывается пятью годами лишения свободы, в то время как то же действие, но с прямым умыслом – десятью.

Примечательно, что для отдельных стран СНГ характерна различная степень обобщения (или напротив, детализации) схожих квалифицирующих признаков. Например, в УК РФ на уровне п. «б» ч. 3 ст. 131 оставлены без конкретизации тяжкие последствия при изнасиловании, и лишь ознакомление с постановлением Пленума Верховного Суда РФ по данной категории дел дает основание включить в их содержание беременность потерпевшей², а п. 1 ч. 3 ст. 154 УК Кыргызской Республики прямо указывает на последствие в виде наступления беременности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что, взяв за основу «классический» набор квалифицирующих признаков в Модельном УК, страны СНГ с учетом особенностей своей внутренней и внешней политики в дальнейшем автономно развивали уголовное законодательство в данном направлении, что подтверждается наличием эксклюзивных как в структурном, так и в содержательном отношении нормативных предписаний.

Безусловно, совершенствование описания квалифицирующих признаков составов преступлений в УК РФ, как и в законодательстве других стран СНГ, в перспективе должно осуществляться не только посредством восприятия позитивного зарубежного опыта. Новеллизация уголовно-правовых решений любого парламента должна базироваться на более прочном фундаменте, коим выступают достижения отечественной уголовно-правовой доктрины.

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024 г.). Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325.

² О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 (п. 13) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 2, февраль 2015 г.

В этой связи стоит заметить, что в научной литературе встречаются различные предложения по оптимизации формы выражения квалифицирующих признаков, в том числе предлагается «вынести» те из них, что характерны для большинства составов преступлений, в Общую часть уголовного законодательства [8]. Кроме того, обширное количество научных работ посвящено содержанию квалифицирующих признаков составов преступлений в рамках отдельных глав Особенной части УК РФ. Их обобщение и последующий анализ необходимы для обеспечения системности уголовного законодательства и практики его применения.

Список источников

1. Мотин А. В. О некоторых вопросах дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 7-1. С. 127–141. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.57.97.017>
2. Коняхин В.П., Полтавец В.В. Карательный арсенал современного международного уголовного права // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях: Мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 2023. С. 320–328.
3. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. М., 2014.
4. Дядюн К. В. Регламентация ответственности за неосторожное причинение смерти: сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86). С. 83-88.
5. Шипунова М. Н. Обман как способ совершения преступления: проблемы теории и практики // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 3. С. 169–181. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/169-181>
6. Кочои С. М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7 (128). С. 125–135. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.125-135>
7. Камалова Г. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. Вып. 3. С. 382–388. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-3-382-388>
8. Асланян Р. Г. Дифференциация ответственности и систематизация предписаний особенной части уголовного права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 3. С. 87–94. <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-87-94>

References

1. Motin A. V. On Some Issues of Differentiation of Criminal Liability for Crimes against the Person by Means of Qualifying Features. *Issues of Russian and International Law*. 2020;10 (7-1):127–141. (In Russ.). <https://doi.org/10.34670/AR.2020.57.97.017>
2. Konyakhin V. P., Poltavets V. V. Punitive Arsenal of Modern International Criminal Law. *Actual Problems of Theory and Practice of Criminal Law and Procedure in Modern Conditions: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*. Donetsk: 2023. Pp. 320–328. (In Russ.)

3. *Russian Criminal Law. General Part: Textbook for Universities* / edited by Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation V. P. Konyakhin and Doctor of Law, Professor M. L. Prokhorova. Moscow; 2014. (In Russ.)

4. Dyadyun K.V. Regulation of liability for negligent causing of death: comparative legal analysis of the legislation of the CIS countries. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;11-1(86):83-88. (In Russ.)

5. Shipunova M. N. Deception as a method of committing a crime: problems of theory and practice. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*. 2024;26(3):169–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/169-181>

6. Kochoi S. M. Criminal-legal risks of using unmanned vehicles. *Actual problems of Russian law*. 2021; 16 (7(128)):125–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.128.7.125-135>

7. Kamalova G. G. Some issues of criminal liability in the field of application of artificial intelligence systems and robotics. *Bulletin of Udmurt University*. 2020;30(3):382–388. (In Russ.). <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-3-382-388>

8. Aslanyan R. G. Differentiation of responsibility and systematization of the provisions of the special part of criminal law. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(3):87–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.31429/20785836-14-3-87-94>.

Информация об авторе

В. В. Багаев – соискатель кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, заместитель начальника управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью – начальник отдела по надзору за следствием в следственных органах Следственного комитета РФ, советник юстиции.

Information about the author

V. V. Bagaev – applicant of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University, Deputy Head of the Department for Supervision of Investigation, Inquiry and Operational-Investigative Activities – Head of the Department for Supervision of Investigation in Investigative Bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, Justice Advisor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024; одобрена после рецензирования 26.01.2025; принята к публикации 27.01.2025.

The article was submitted 20.12.2024; approved after reviewing 26.01.2025; accepted for publication 27.01.2025.